

ХАННА ХАУЭЛЛ

Любовный
компромисс

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х26

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Hannah Howell

COMPROMISED HEARTS

Перевод с английского *М. В. Кузиной*

Компьютерный дизайн *Э. Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Хауэлл, Ханна.

X26   Любовный компромисс : [роман] / Ханна Хауэлл ;
[пер. с англ. М. В. Кузиной]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2019. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-112250-8

Путь на Запад труден и полон опасностей, и юной де-
вушке его не пройти без сильного и отважного спутника —
бостонской красавице Эмили, пробравшейся на ранчо
брата, пришлось в этом убедиться на собственном горьком
опыте, когда она чудом уцелела во время налета индейцев.

Эмили спас от верной гибели циничный, многое по-
видавший скаут Клауд Райдер, но что она могла предло-
жить ему в уплату за защиту и сопровождение? Только себя!
Так начинается их дорога через бескрайние прерии, полные
жестоких краснокожих воинов и безжалостных бандитов, —
дорога, на которой Эмили и Клауду предстоит пережить не-
мало головокружительных приключений, а в конце найти
настоящую любовь.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Hannah Howell, 1989

© Перевод. М.В. Кузиной, 2018

ISBN 978-5-17-112250-8

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

Территория Колорадо, 1870 год

— Забытая Богом земля. — Эмили Корделия Мейсон Брокенгер встала, отряхнулась и поправила свою ношу.

Хорошо еще, что упала вперед, подумала она, иначе наверняка зашибла бы ребенка. Подобрав с земли зонтик, Эмили сокрушенно вздохнула. Вид у зонтика и впрямь был довольно жалкий. Вероятно, шляпка выглядит не лучше. Голая, выжженная солнцем равнина была беспощадна и к людям, и к вещам. Тем не менее Эмили была твердо намерена и впредь пользоваться зонтиком и шляпкой. Впервые, они защищали ее от солнца, а во-вторых, путешествовать без них было бы просто неприлично.

Она шла уже два дня, но никаких признаков цивилизации не было и в помине. Даже не верилось, что такая огромная территория может оказаться столь безлюдной. Впрочем, ей ни в коем случае не следовало забывать об индейцах.

При этой мысли по спине Эмили пробежал холодок — слишком свежи были впечатления от недавнего набега индейцев на лагерь переселенцев. Несчастные фермеры, никогда никому не причинявшие вреда, не заслуживали такой ужасной смер-

ти. Она до сих пор не понимала, за что индейцы мстят ни в чем не повинным людям.

От неминуемой гибели Эмили спасла ее страсть к чистоте — именно в этот момент ей вздумалось искупаться в ручье, протекавшем довольно далеко от лагеря; но даже туда долетали звуки беспощадной бойни — воинственные крики, выстрелы, вопли обезумевших от страха людей. Эмили боялась, что теперь эта жуткая какофония будет до конца дней преследовать ее во сне и наяву.

Самым страшным для нее оказалось возвращение к еще дымившимся повозкам, над которыми стоял удушающий запах смерти. Индейцы не пощадили ни стариков, ни женщин, ни детей, кроме одного маленького существа.

Почему это произошло, для Эмили так и осталось загадкой. Причин, чтобы оставлять в живых трехлетнего Торнтона Сиерса, на ее взгляд, не было никаких, и тем не менее он, живой и невредимый, в одиночестве бродил среди погибших. Эмили могла лишь предположить, что он где-то спрятался и, только когда опасность миновала, вылез из своего укрытия. На пухленьком тельце малыша не было ни царапины, его густые темные кудряшки даже не растрепались. Лишь в зеленых глазенках застыл ужас, который, по причине малых лет, он вряд ли смог бы объяснить. Но самое главное — он был жив, и Эмили упрашивала Господа не отнимать у нее хоть этого ребенка.

При падении Эмили ободрала руки, и теперь ссадины на них нестерпимо ныли. Наверное, все-таки не нужно было ей рыть могилы и хоронить мертвых, однако какое значение могли иметь два дня, которые она потратила на эту отвратительную работу.

Эмили методично обыскала то место, которое совсем недавно было их лагерем. В результате в ее распоряжении оказались невероятно упрямый мул, расхлябанная повозка, несколько вещей Торнтона и мизерное количество пищи и воды. Эмили сэкономила из всех сил, однако подозревала, что еды все равно не хватит.

— Мы идем домой? — вывел ее из задумчивости голосок Торнтона.

— Да, милый. Только боюсь, до дома нам еще далеко.

Эмили чуть было не расплакалась, но тут же взяла себя в руки. Нет, она не станет поддаваться слабости. Верно, какая-то злая сила заставила ее покинуть родной Бостон, подумала Эмили и тотчас же недовольно поморщилась, припомнив, как она радовалась письму брата, в котором тот приглашал ее к себе, в быстро растущий город Локридж. Тогда она решила, что Господь внял наконец ее мольбам.

Брат писал, что она могла бы учить в школе детишек, и Эмили это предложение показалось необычайно щедрым. Да она согласилась бы на что угодно, лишь бы удрать от той жизни, которую ей приходилось вести в доме сестры. Она даже не знала, что хуже: заботиться о трех племянниках — детях Каролины — или предпринимать отчаянные попытки ускользнуть от ее мужа. Временами Эмили казалось, что у него не две руки, а целая дюжина, и все они пытаются ее схватить. От сестры помощи ждать не приходилось — она считала своих детей чуть ли не святыми, а заодно очень надеялась, что Эмили займет ее место в супружеской постели, избавив ее тем самым от ненавистных обязанностей по удовлетворению его похоти.

Эмили стойко сносила свалившиеся на нее напасти. Родители ее, Чарльз и Мэри Брокингер, были уже в преклонном возрасте, когда она появилась на свет, а братья и сестры — значительно старше ее. Что такое крепкая, дружная семья, Эмили так и не довелось узнать. Ей до сих пор было больно вспоминать, что родители и не думали скрывать от нее тот факт, что она оказалась для них нежеланным сюрпризом. Единственным, кто ее любил, был Харпер; при воспоминании о нем лицо Эмили всегда озарялось ласковой улыбкой. Однако старший брат уехал из дома, когда ей исполнилось всего десять лет.

Эмили коснулась рукой кармана, где лежало письмо Харпера, на которое она так и не успела ответить. Хотя она не видела брата уже восемь лет, его образ навсегда запечатлелся в ее памяти как один из самых светлых моментов прошедшей жизни. Вот почему она, как только получила письмо, не мешкая отправилась в Колорадо.

Жаль только, что Харпер не прислал ей денег. Каролина не пожелала дать сестре хотя бы пенни, и Эмили была вынуждена предпринимать долгое, трудное и полное опасностей путешествие, довольствуясь весьма скудными средствами. Впрочем, до того как индейцы напали на лагерь, она легко сносила все трудности; жажда, голод, жара и другие сложности переезда в обозе из одного конца страны в другой ее не пугали. Однако ужасная смерть ни в чем не повинных людей, свидетельницей которой она оказалась, наполнила душу Эмили отчаянием и страхом. Она не считала себя трусихой, но для девятнадцатилетней девушки, никогда не выезжавшей за пределы большого города, подобное испытание оказалось чересчур суровым.

Туфельки Эмили на тонкой подошве, не предназначенные для ходьбы по каменистой местности, давно истрепались, и хотя нести Торнтон на спине было куда легче, чем тащить его за руку, да и безопаснее, чем сажать на спину и без того перегруженного мула, но спина и плечи Эмили молили о пощаде. Упрямец мул лишь добавлял проблем: время от времени он останавливался, наотрез отказываясь идти дальше, и Эмили приходилось тащить его за веревку, оставлявшую на ее нежных ладонях новые кровавые отметины.

Эмили плохо представляла себе, куда направляется, осознавая лишь, что она осталась одна-одинешенька и безоружна на территории, кишмя кишевшей кровожадными индейцами.

И тем не менее она упрямо продолжала идти вперед, надеясь лишь на то, что индейцы слишком заняты, чтобы связываться со слабой женщиной, маленьким мальчиком и невероятно капризным мулом.

Единственное, что приносило ей хоть какую-то радость, так это то, что они с Торнтоном до сих пор живы.

Когда, остановившись в конце дня на привал, Эмили развела небольшой костер, взгляд ее упал на мальчугана, мирно игравшего камушками. С потерей родителей он примирился чрезвычайно быстро, поскольку был еще очень мал. Вначале он, правда, немного поплакал, но потом перенес любовь и доверие, свойственные всем детям, на свою спасительницу. Накладывая Торнтону овсянку, Эмили попросила Господа о том, чтобы тот помог ей оправдать надежды малыша. Теперь ответственность за его жизнь и безопасность целиком лежала на ней.

Когда они с Торнтоном забрались под повозку и улеглись спать, Эмили с удовольствием ощутила тепло его крепкого тела. Он был слишком мал, чтобы оказать ей какую-то реальную помощь, но с ним Эмили чувствовала себя не так одиноко. Погружаясь в блаженное забытие, она с грустью подумала, что защититься от индейцев им все равно не удастся, так что не стоит тратить силы на такое бесполезное занятие, как охрана их крошечного лагеря.

Клауд пришел к выводу, что нет более бесполезного занятия, чем отговаривать майора от его дурацких прожектов. Этот лихой рубака только что прибыл в их края после окончания военного училища и понятия не имел о том, как сражаться с индейцами. Клауд мог лишь надеяться, что майор выучится этому искусству, не погибнув сам и не загубив всех своих товарищей, однако не имел ни малейшего желания дожидаться конца этого эксперимента.

— Снова в путь? — неторопливо спросил его Джеймс Карлин, облакачиваясь на коновязь.

Клауд, не отрываясь от своего занятия — он седлал чалого жеребца, — коротко кивнул:

— Да. И думаю, что на сей раз уезжаю отсюда навсегда.

— А как же красotka Эбигейл? Ну и характерец у тебя, Клауд Райдер! Не позавидуешь.

Бросив взгляд в ту сторону, куда указал Джеймс, Клауд недовольно поморщился. Он надеялся уехать без сцен, однако одного взгляда на Эбби оказалось достаточно, чтобы понять: она рассчитывает как раз на обратное. Несмотря на то что эта особа была весьма изобретательна в постели, Клауду хотелось сбежать от нее не меньше, чем от этого молоко-

соса майора, готовившегося совершить глупость, за которую придется расплачиваться другим. Эбигейл была из тех женщин, которые считают, что если они спят с мужчиной, то имеют на него все права: вот почему она ждала от Клауда больше, чем он собирался ей когда-либо предложить. Нечего с ней было вообще связываться, запоздало подумал он.

— От милейшей Эбигейл пора уносить ноги, и чем скорее, тем лучше. Эта красотка вцепилась в меня, словно дикая кошка, не знаю теперь, как ее отодрать.

Джеймс рассмеялся и окинул друга придирчивым взглядом. Он никогда не мог взять в толк, отчего женщины так легко вешаются Клауду на шею. Худощавое, с резкими чертами лицо Райдера прорезал шрам, придававший ему такое суровое выражение, что даже человек не робкого десятка мог испугаться. Хотя Клауд был индейцем лишь на одну четверть — предки его происходили из племени чероки, — выглядел он даже более кровожадным, чем любой чистокровный индеец. А может, женщин влекло к нему то, что он относился к ним с полнейшим равнодушием? Скорее всего именно так оно и было, решил Джеймс.

— Ты мне не говорил, что собираешься уезжать, — покраснев от злости, проговорила Эбигейл, подходя к Клауду.

— Разве? Должно быть, вылетело из головы, — небрежно бросил он и, прищурившись, взглянул на пышнотелую брюнетку.

У Эбигейл перехватило дыхание. Еще секунду назад она готова была выцарапать этому негодяю глаза, но стоило ей увидеть его стройное, мускулистое тело, как ее тут же охватило желание. Вот за это

она и ненавидела Клауда. Он забавлялся с ней, а она вечно оставалась чем-то вроде послушной игрушки в его руках.

— Как ты можешь так со мной обращаться после всего, что между нами было? — дрожащим голосом проговорила Эбигейл и сама подивилась тому, что может так легко выжать из себя слезы.

— Детка, я взял тебя не девственницей, и уж кто-кто, но только не я обучил тебя всем тем фокусам, на которые ты такая мастерица, — безжалостно отрезал Клауд. — Так что не строй из себя праведницу, эта роль тебе не подходит.

— Негодяй! — прошипела Эбигейл. — Да в форте каждая собака знает, что ты проводил со мной все ночи напролет! И теперь ты вот так просто оседлаешь коня и уедешь?!

— Да. — Клауд почти не поморщился, когда бывшая подружка вlepила ему увесистую пощечину, и, лишь увидев, что она готовится ударить его во второй раз, перехватил ее руку. — На твоём месте я не стал бы этого делать.

Голос его прозвучал настолько зловеще, что Эбигейл вздрогнула. Собрав жалкие остатки гордости, она удалилась, а Клауд как ни в чём не бывало продолжал седлать коня.

— Когда-нибудь одна из тех, с кем ты так бесцеремонно обращаешься, тебя пристрелит, помани мое слово, — насмешливо заметил Джеймс.

— Не сомневаюсь. Только на Эбигейл тебе не стоит растрчивать свою жалость. Артистка из нее — хоть куда, и, увидишь, она не долго будет горевать — подцепит себе какого-нибудь бедолагу и окрутит так, что тот на ней женится. Я же этой девице никаких обещаний не давал, так что и нарушать мне

нечего. Партию свою она вела хорошо, но проиграла и теперь должна платить, а ей этого ой как не хочется.

Несколько секунд мужчины молчали. Наконец Джеймс спросил:

— Ты в самом деле не собираешься возвращаться?

— Я ведь уже сказал, верно?

— Ты и раньше так говорил, но всегда приезжал обратно.

— На сей раз не приеду. Когда закончилась война, мне казалось, что я уже сыт по горло всякими переездами и перестрелками. Похоже, я тогда ошибался. Зато теперь точно знаю, что мне хочется спокойной, размеренной жизни.

— Верится с трудом.

— Почему? Любой мужчина к этому приходит рано или поздно.

— Понимаешь, никак не могу представить тебя сидящим на одном месте. Слишком уж ты неугомонный.

Клауд пожал плечами:

— Может быть, ты и прав. И все-таки бродить по белу свету да драться со всеми подряд мне уже порядком осточертело.

— И что же ты собираешься теперь делать?

— Вернусь на свою землю — мой брат, должно быть, уже чертовски устал ее караулить. У него и свои владения имеются, за которыми нужен глаз да глаз.

— Ты никогда не говорил, где находится твоя земля.

— В Сан-Луис-Вэли. Если я отправлюсь в путь прямо сейчас, то успею перебраться через горы до

того, как снег засыплет перевал. А придет весна, буду со своей землей разбираться — хватит уж ей год от года зарастать сорной травой. Может, даже поставлю дом к тому времени, как соберется весь клан Райдеров.

Клауд вскочил в седло и протянул Джеймсу руку.

— Береги себя. Если сможешь, не оставайся с этим идиотом майором, он наверняка тебя погубит. У этого чертова дурака башка совсем не варит.

— Не беспокойся, я живучий. — Джеймс крепко пожал протянутую руку. — Ты тоже береги себя. Надеюсь, ты найдешь то, что ищешь.

— Кто знает. Будешь в Сан-Луис-Вэли, милости прошу в гости.

Ведя запасную лошадь в поводу, Клауд, не оглядываясь, поскакал из форта. Вот и закончилась очередная глава его жизни. Он устал без конца убивать, разрушать и теперь готов был где-нибудь осесть и пустить корни, чтобы наконец обрести покой.

Мысль эта неожиданно показалась Клауду настолько забавной, что он расхохотался. Джеймс прав. Он все время ищет что-то, но сам не знает, что именно. Чем бы он ни занимался, кого бы ни встречал, сколько бы миль ни проскакал, снедающая душу пустота никуда от него не денется, а тот странный голод, что сидит в нем, никогда не будет удовлетворен.

Пробормотав под нос проклятие по адресу собственной судьбы, Клауд повернул на юго-запад. До будущего ранчо, которое еще предстояло построить, ехать и ехать, так что не стоит забивать себе голову всякой чепухой. У него впереди немало вполне реальных дел, и отвлекаться от них не следует, иначе ни к чему хорошему это не приведет.

Когда, взобравшись на холм, Клауд увидел идущую впереди женщину, он подумал, что это ему померещилось. И в самом деле, откуда на плоской, как стол, равнине взяться этой фифе с модной шляпкой на голове и зонтиком в руках? Зрелище было настолько нелепым, что Клауд несколько раз зажмурил глаза; однако, взглядевшись попристальнее, он понял, что это не мираж и женщина в самом деле существует.

Подъехав ближе, Клауд убедился, что странный бугор на ее спине, который он вначале принял за горб, не что иное, как ребенок. Недоверчиво покачав головой, он поехал за женщиной.

Наблюдая за тем, как она в очередной раз падает и встает, Райдер тихонько рассмеялся; однако он не мог не восхищаться ее упорством. Женщина абсолютно не вписывалась в картину окружавшего их мира: она шла по территории, населенной кровожадными индейцами, так спокойно, словно прогуливалась по парку. Это было бы смешно, если бы не реальная угроза нападения, поджидавшая ее со всех сторон. Клауд понимал, что, если индейцы увидят эту дамочку, ей уж точно несдобровать.

«Может, и правда, что Господь хранит дураков, пьяниц и детей? — подумал он. — Интересно узнать, где ее муж?»

Заинтригованный, Клауд продолжал ехать следом за женщиной. Он видел, как она вновь споткнулась и упала, слышал, как, поднявшись, выругала Богом забытую землю и послала на голову упрямого мула, не желавшего идти дальше, целый град проклятий. Как Клауд ни старался, он не мог придумать, откуда посреди безлюдной, выжженной солнцем равнины взялась эта странная особа с ребен-

ком на спине. Ее одежда, потрепанная и запыленная, носила следы бывшего изящества, из чего Клауд заключил, что женщина не из тех твердолобых переселенков, которых на Западе пруд пруди.

Ближе к вечеру женщина стала устраиваться на ночлег. Клауд никак не мог взять в толк, почему ему не хочется ни подъезжать к незнакомке, ни уезжать от нее. Впрочем, все это не имело никакого значения. Важно было другое: давно уже он так здорово не развлекался.

Наблюдая за тем, как женщина укладывает ребенка спать, Клауд не мог не заметить, каких трудов стоило ей сдерживать слезы. А когда она, опустившись на колени перед костром, расстегнула платье и сняла изящный лифчик, намереваясь использовать часть драгоценной воды, чтобы смыть с себя пыль и пот, ему и вовсе стало не по себе. Жадным взглядом впился он в крепкие белые груди, в то время как незнакомка, не ведая о его муках, принялась за мытье. Словно чтобы еще больше помучить своего невидимого зрителя, женщина вытащила из волос шпильки.

— Бог ты мой! — Клауд проглотил слюну. — Да индейцы за такой скальп глотки друг другу пережевут!

Более восхитительного зрелища ему еще никогда не доводилось видеть. При свете луны роскошные волосы женщины казались сгустком серебряных нитей. Густые и волнистые, они ниспадали до стройных бедер, словно плащом окутывая всю ее хрупкую фигуру. Клауд почувствовал неудержимое желание погрузить в них руки, пройтись пальцами по всей их длине. Никогда еще ему не доводилось видеть ничего более прекрасного и возбуждающего,

несмотря на то что женщин на протяжении жизни у него было предостаточно.

После того как незнакомка улеглась рядом с ребенком, Клауд еще некоторое время не приближался к ней. Ему нужно было немного успокоиться, прежде чем рассмотреть ее поближе.

Наконец, решив, что уже в состоянии владеть собой, он спустился с холма к костру, посчитав, что нет никакого смысла разбивать отдельно свой собственный лагерь. Кроме того, не мешало бы потушить костер, который мог привлечь внимание индейцев.

Когда Клауд привязывал лошадь к кусту, мул незнакомки с опаской взглянул на него, однако не издал ни звука. Сняв со спины своей лошади Саванны седло и пожитки и сложив их тут же, у ног, он склонился над женщиной, спавшей рядом со своим маленьким спутником. Ему не терпелось посмотреть, так ли хорошо ее лицо, как и тело.

Потом он быстро потушил костер и присел рядом с повозкой на корточки. Незнакомка продолжала безмятежно спать, не ведая о его присутствии. Клауд покачал головой. Какие же они оба беззащитные и беспомощные!

Вглядевшись в прелестное лицо женщины, Клауд подумал, что, пожалуй, правильнее назвать незнакомку девушкой — слишком уж она молода для того, чтобы быть матерью ребенка, который все это время тихо посапывал, уютно прижавшись к ней.

Кожа ее, мягкая и гладкая, как шелк, оттенка теплого меда, так и манила к себе, тонкие дугообразные брови хмурились даже во сне: похоже, этой юной особе привиделось что-то, что ее совсем не радовало. Густые длинные загнутые ресницы бес-